

Четыре **строки**

Сборник буриме

Послесловие Д. Манина

Составление, примечания и рисунки М. Казанской

© Р. Асланбейли, А. Бурштейн (Д. Д. П., Васёк Покусай)
М. Вербицкий, А. Вольфовский (Посторонним в...)
А. Габриэль (Танжер), Н. Гашимзаде (м-ка)
Д. Гусев (Цензор), В. Каневский (Кинтаро)
И. Кригер (Грирке), Д. Кулиш (Автоматическое, Квебек)
Г. Лансберг, М. И. Мухин (ПППвППП), Д. Манин
А. Осипов (*оп?ов, Револьвента Иванова)
Э. Пикалев (Латакот), Д. Прокофьев (Д. П.)
П. Просянкин (Дед Буквояд), М. Ройтман, Санитары
М. Светлова (Ма Све), В. Смирнов
Тетя Ира (Т.И., о.з.т.), С. Фомель
Т. Фомель (Анна Лохматова, Т. Т., Пятаков)
А. Храбров (Адм. Б.-П.), С. Худякова (М-ль Х., Пти)
Шмубзик, Н.Г. Шульга (гвардии поэт П/пк Птичкин)
и другие авторы. Стихи. 1995-2005 гг.

© Д. Манин. Медленное чтение коротких стихов. 2002 г.
© М. Казанская. Состав. Оформление. 2005 г.

они появлялись не сами собой. На сайте стали собираться талантливые и веселые люди, которые, сменяя друг друга, поддерживали дух Игры – не только в собственно буриме, но и в примечаниях к ним (которые, бывает, неожиданным светом освещают сами стихи), и в "Книге жалоб и предложений" (так называется в Буриме место для обмена мнениями в свободной форме). Причудливо переплетаясь с реальной жизнью, Игра порождала не только стихи, но и театр виртуальных личностей, виртуальные дружбу и любовь, иногда переходящие в реальные, и даже вполне земные браки. Все это отразилось в буриме так же точно, как жизнь и чувства любого поэта находят отражение в его стихах.

В этой книжке собраны некоторые из самых дорогих мне буриме. Все эти стихи я горячо люблю. В них есть свежесть и новизна взгляда, прочищающая зрение. В смешных есть доля (и большая доля) правды, а в "серьезных" шуточные метафоры, маскируя, обнажают их серьезность. Эти миниатюры сжаты и насыщены, и каждое слово в них точно.

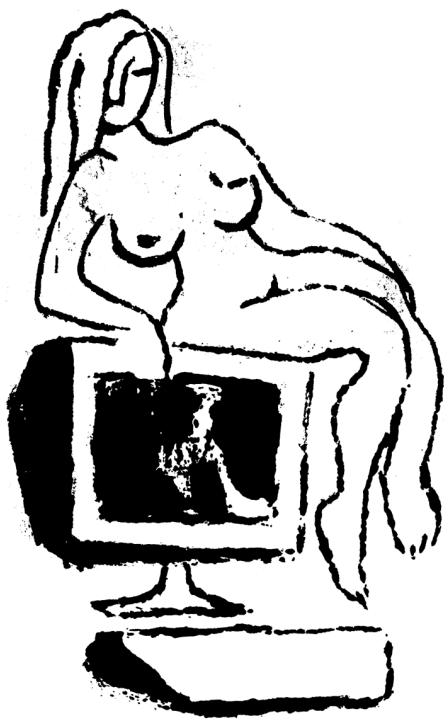
Выбор дело нелегкое. Лавируя между Сциллой пестроты и Харибдой однообразия, пришлось сбросить за борт много замечательного. Пусть теперь приходят другие составители и делают свой выбор. Там есть из чего выбирать!

М. Казанская

P.S. К стихам, отмеченным звездочкой, есть примечания на стр. 127. Курсивом внизу страниц даны рифмы, на которые написаны помещенные выше буриме.

ЧЕТ
БРЕ
СТР
ОКИ

I

Интернет и Муза

X X X

О, Интернет, изменчивая морда!
Я жду от Вас обычно, Интернет,
Набора слов, палитры и аккорда,
Которых нет.

— Опов

X X X

Буриме не рождаются от мамы с отцом,
их рожают в мученьях совместно три гада:
Зачинают по рифме* постдок-эмигрант
и оставшийся русским московский еврей,
После некто в джинсах придает рифмам смысл,
и восходит на сервер вся в белом бригада,
И четыре (рифмуясь крест-накрест) халатных
летят, словно белых косяк журавлей.

Буримистам

Во тьме словес, наги и сиры
и, зачастую, пьяны в дым,
пыхтят власатые сатиры
над древним таинством своим.

— Шмубзик

х х х

Времен не прерывалась эстафета.
Найдет во мне патологоанатом
Кусочек Лермонтова, каплю Фета
И Пушкина незаменимый атом.

— ВИА "Боян"

х х х

Ты бренчи, моя клавиатура.
Мы с тобой фуфла уже немало
В эти сети наплели. Какая дура —
Я!.. И ты. А помнишь, как, бывало, ...?

— Т.И.

х х х

Большая форма, верно, не нужна,
Чтоб записать все то, что начудила
Мне пятистопным ямбом тишина,
Шершавая, как шкура крокодила.

— Чуть-чутчев

В защиту свободы слова

Без сочного мата и пошлостей сальных
Как сух стал мой стих! Он ломается с хрустом.
И, тем избегая фривольно-анальных,
Я вдруг замечаю: осталось негусто.

— Кукушкин

Х Х Х

Давайте честно скажем людям:
"Цензурный гнет непобедим."
Второго Пушкина не будет,
А если будет — запретим!

— Ценсор

Поэту

Стихи читать не нужно шумно,
Себя не напрягай напрасно.
Внутри пусть будет остроумно,
Снаружи — простенько, но классно.

— Маршаковский

Х Х Х

Не глядя, в клавиши перстами тычем мы,
Не спит ночей измученная Муза;
А то, что рифмы выпренны и вычурны,
Так это нам подмога, не обуза.

— Д.П.

Х Х Х

Приди ко мне, о трепетная шука...
Приди, уважь промокшее стило.
Округу алкоголем залило —
Я как стекло, и песня в том порука.

— Кинтаро

Честная попытка

Моё воображение в пустыне
Пытается, натужно хохоча,
Изобразить условного грача
В кустах метафорической полыни.

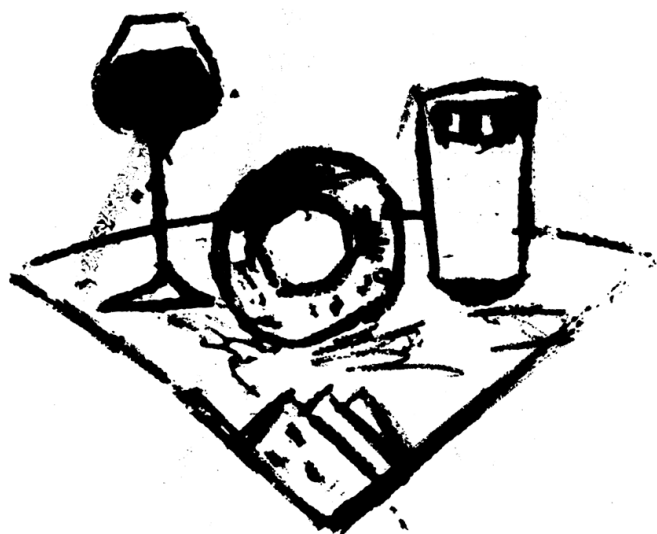
— Кинтаро

Белым по синему

Не спрашивай — зачем на небе лепим
Из туч витиеватое "банзай".
Здесь каждый сам себе Дали и Репин.
Взлетай, реви мотором и дерзай.

— Ма Све

х х х

Ходил, смотрел, как шар дрожащий
укрылся в яме за леском,
Как мрачно сосны засыпали,
как на поверхность лопуха
Туман ложится постепенно,
законом физики влеком —
Красоты вечные как будто,
но на поверку — чепуха.

х х х

Условности мира обрыдли.
В песочницу ль сядешь с ведром,
Хохочешь ли, плачешь навзрыд ли —
За все посылают в дурдом.

— Кинтаро

х х х

Товарищ вышел в сад, где наколол поленья
И наземь пал без сил, как пораженный громом:
Существование невозможно без кормления
В реальном мире, неестественно огромном.

— Феодосий Белополянческий

Х Х Х

Вот Эрот на веточку присел,
Безмятежно покачал ногой.
У него на луке сбит прицел,
Ну и что? — не этот, так другой.

— Чуть-чутчев

Х Х Х

Травищи сочной толстый жгут
жует задумавшийся бык.
Ему тавро на жопе жгут,
а он питается — привык.

— Шмубзик

Моменто Море

Остыло тельце мертвого мыша,
Что изменилось? Птицы в небе те же,
колышется все так же черемша,
и звезды так же падают, но реже!

— Шмубзик

Сапрыкину

Когда уехал на гастрологи ты в Тбилиси,
В моей душе глисты сомнения завелися —
Когда вернёшься, будешь сам собой?
Или грузинов будешь шумною толпой?

— Пятаков

х х х

У пионеров босоногих
Любовь, как правило, всерьез.
Что пионеры! Взрослых многих
Доводит, гадина, до слез.

— Опов

х х х

Очнулся в месте очень странном,
И настроенье не для песен...
А это кто там за диваном?
Ух ты, действительно, мир тесен!

— Кинтаро

Х Х Х

Вот Аполлон во всей красе,
А вот Абрам, горбатый ящер.
Но первый — мраморный, в росе,
А этот — в шляпе, говорящий!*

— Алексей Храбров

Х Х Х

Осталась лишь дымящаяся кучка
И несколько неаппетитных пятен.
Ну надо же, опять ушла получка,
А жизни смысл остался непонятен...

— гвардии поэт П/пк Птичкин

Пятаков и Сапрыкин
воскликнули...*

Пятаков и Сапрыкин воскликнули: "Да!
Каждый сам властелин своих снов, господа,
Своих рыб, своих губ, пестицидов,
Всяк начальник своих суицидов!"

— ПППВППП

WWWWWWW

III

Сакраментальное

X X X

С моря соленый, из города пряный
Ветер над волнами носится пьяный.
Синее счастье, зеленое горе,
Линия смерти в далеком просторе.*

— Кинтаро

х х х

— Что это плещет в стакане? — Конечно же, ртуть.
— В жизни еще не слышал я подобного бреда.
— Что ж, привыкайте. Уж крыша поехала. Кредо,
Ибо абсурдум. Хотите ль немножко хлебнуть?

— Смирнов

х х х

Жизнь тягуча и приторна, словно ириска,
Холодна и бесцветна, навроде сугроба,
А хотелось-то праздника, блеска и риска,
Чтоб потом сотни женщин рыдали у гроба!

— Д.П.

Сакраментальное

Солнце заходит на Западе, рыжее, как курага.
Жизнь — как кино по-турецки,
и по-арабски субтитры
Как закружил меня в танго бешеный твой ураган!
Как мне все карты смешал —
не разберёшь без пол-литры.

— Матушков

романс

Мелькнет вся жизнь перед глазами как копеечка,
Тунцов серебряных метнется прочь фаланга —
Ловчиха жемчуга, красавица-пигмеечка,
Меня обняв, шланг пережмет от акваланга.

— Грирке

К ***

Я Вам спляшу в одних серьгах, как баядерка,
Куплет спою из Баха пятой мессы,
А ровно в полдень, как салютом — канонерка,
Взорвусь на главной площади Одессы.

— м-ка

И взвод отлично выполнил приказ...

Крылатый снайпер снова тетиву
Спустил и в сотый раз по мне — ба-бах!
А я, ну хоть бы что, опять живу.
Бинтами и таблетками пропах.

— Квебек

х х х

О музыка всемирного Гонконга!
И пение зазывное сирен,
И гул на ринге рокового гонга,
И "мене, текел, фарес", как рефрен.

— ВИА "Боян"

х х х

Реальность мира несомненна,
но согласитесь, что везде,
Где красота обычно мнится
(фракталы гор, озер лекало,
Намек в пустынной тишине,
как пума серны кровь лакала,
Небрежность шага в па-де-де)
есть параллель для ЛСД.

х х х

Иван-проводник принесёт иван-чай,
Но ты эту гадость не трогай,
А денег потребует — не отвечай,
Прикинься железной дорогой.

— РУОПов

ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру, вы посадите на могиле тамариск,
Трижды воздух разорвите орудийной канонадой
И пусть пишет мемуары обо мне мемуарист,
Не чернилами пусть пишет,
а моей губной помадой.

— Манин

тамариск/мемуарист/канонадой/помадой

IV

Эпическое

Пятакову, жалобно-
патетическое в трёх
ярусах

I

В краю, исполненном загадок,
В предгорьях южного Памира,
Живёт козёл, суров и гадок,
Как первый том "Войны и мира".

II

Ни слова доброго не слыша,
Пиная камушки со зла,
Стоит козёл, и едет крыша
У одинокого козла.

III

Заходит солнышко за кочки,
Потом восходит из норы,
А он стоит затычкой в бочке,
Царём воздвигнутой горы.

— ropov.ru

х х х

Когда волна тяжёлого металла
Накрыла заседающий партком,
Запел парторг сюиту Джетро Талла
Суровым канцелярским языком.

— Синкопов

х х х

Я зрел равнину мертвых тел,
скажу вам не для протокола,
из уст хип-хоп у них свистел,
из ран сочилась Кока-Кола.

— Шмубзик

х х х

Труба трубачом беспристрастно трубила,
Холодным огнем догорали костры,
Крутилась вдали без отдачи турбина,
Как луны, блестели в ночи фонары.

— Д.Д.П.

шеренги

эпатаж	присущ	природе	метро
всё метро	одно	сплошное	нутро
смрад греха	с утра	угарный	кураж
		урбанистический	антураж

— Посторонним в...

Новая астрология

Радияция. Завтра откажет реактор.
Нас пугают изгибы созвездий стальных;
Мы провидим пять бедствий внеплановых, как-то:
Смерч, урановый ветер и три остальных

— Заноза

х х х

Товарищ шёл, и буйвол с ним, мыча —
Был трудодень тяжёл неимоверно.
Нет молока, одна, пардон, моча —
Шпиёны всё повыпили, наверно.

— Ф. Белополяческий

Коллекционирующий оружие

Богом проклят от века, судьбой искалеченный,
Вместо страха — тоска,

вместо рифмы — верлибр...

Кто стучится ко мне в тишине зимним вечером?
Помолись — подберу подходящий калибр.

— Зараза

Начинающий химик

О, гадюки на камне кривой интеграл!
Разнеси, мой газетчик, по улицам весть:
Я цианистый калий из банки украл,
В темноте я готовлю кровавую месть.

— А. Лопиталь-Барановский

Инвалид от чувств

Я один, как луна в облаках. Зимним вечером
Я свечи не зажгу: нам расстаться пришлось...
Сердце стонет в тиши, словно бык искалеченный,
Беспощадной любовью пронзенный насквозь.

— Санитары

Победитель

Стук, и грохот подков: скачет убитый вождь.
Спешился у ворот, труп коня приласкал.
Саблей бьёт по стеклу! — Просто гроза, и дождь
Льёт, и реки текут в озеро, как в бокал.

— Санитары

Хожение в народ

Весь зарос, пиджак как решето,
Вечно пьян, и через слово — матом...
Но в несчастьях Родины зато
Я не буду больше виноватым!

— Д.П.

Болдинскую осень заказывали?

Здравствуй, Русь вековая, былинная
в акварельных мазках сентября!..
Здравствуй, речь, на три четверти блинная
и понятная без словаря!..

— Посторонним в...

х х х

Узнав, почём война и смута,
Изведав кайф народовластья,
Лежит раздета и разута
Звезда пленительного счастья.

— Владошихлопов

Х Х Х

Ночи юности, где вы?..
Вместе вспомним давай
Под созвездием Девы
Проходящий трамвай.

— Описов

Х Х Х

Моя Отчизна с укоризною
Мне снится в образе трамвая
Ко мне он мчится, завывая
И завлекая дешевизною

— О.З.Т.

Х Х Х

Лужайками и лужами покрыты Лужники
И никому не нужные пустуют нужники
Забытые, нахохлились в кустах два сапога
Где ноги, что вас бросили? И кто вас напугал?

— О.З.Т.

VII

История и политика

х х х

Замолчите, Вы, провожающий —
отъезжающие устали!
В воздух тамбура освежающе
закурите, товарищ Сталин.

— Шмубзик

Новейший путеводитель

В обзорную экскурсию по Азии
Полезно брать с собой пулемет.
Народ там сволочь, скор на безобразии:
Пошлешь культурно на х.. — не поймет.

— Д.П.

В Кабаке на Чужбине

Зачем безбожно, как (с отвращением) предатель,
Я отдал жизнь (ужасаясь) чужим заботам?!
А был любим, (роняет голову) как председатель...
Эх, б...и, водки мне (плачет), чего там!

— Адм. Б.-П.

х х х

Оттащить британца от камина,
У ковбоя отобрать седло,
Льжи грубо выдернуть у финна —
Хочется, да время не пришло.

— ВИА "Буян"

Так Будет!

Мы победили злое НАТО
в две тыщи сотом, по частям.
Прижали Шпрейхлера к Карпатам,
взорвали Бостон... К почестям
Мы все причастны! Маршал Сбоев
Приказ зачитывает вслух
Москва приветствует героев,
и от весны заходит дух!

— Адм. Б.-П.

Борьба за мир ++

Наш крейсер шел Атлантикой безбрежной,
С Америкой был кончен разговор —
На Западе, с нерезкостью небрежной,
Рос ядерного взрыва мухомор...

— Адм. Б.-П.

Женское отделение

- Кто там у вас в котле? — А Коллонтай.
(Ну ты, мадам! обратно в воду: скок!)
— А ну как вылезет? Браток, огня поддай!
— А ей Каплан сейчас же пулю в бок.

— Санитары

На дальних рубежах

Смазан пулемет тюленьим жиром
и укрыта шкурами тачанка.
У костра, покачиваясь мирно,
в бубен бьет усталая чукчанка.
Партбилет в доху зашив оленью,
вызывает духов: "Шмба-дыба!"
И из дыма выплывает Ленин —
он принес от партии "спасибо".

— Дед Буквоед

Ленин

Он одевал народы в красное
Их звал в грядущее прекрасное
Но не пошли народы — лень им
И умер с горя мудрый Ленин

— о.з.т.

IX

В мире
культурных стереотипов

X X X

Пел "Шумел камыш" старик Анисим,
А в поднебесьи, да над лесами,
АНГЕЛЫ летали; и они с ним
В тон чудными пели голосами.

— Манин

На Мотив Окуджавы

Генералу Грачёву приснились грачи
И весеннее синее небо,
И сменял генерал на орала мечи,
И не славы возжаждал, а хлеба...

– Май Иванович Мухин,
Стилизатор

Невеста пилота Пиркса

Улетела тесная ракета.
Милому в ней стоя спать и какать.
Мне же кудри наклонять и плакать
Над сухим скелетиком букета.

— Иван-да-Кунья

Мольба

Не пой, красавица, при мне.

От твоего, пардон, напева
В моем измученном мозгу —

недобрых мыслей чехарда.
Позволь побыть мне в тишине,

о невоспитанная дева,
Не то любить уж не смогу тебя я больше никогда!

— Ценсор

Х Х Х

(Как бы из И.А. Крылова)

В виноградные аллеи

я вернусь ещё, быть может, —
Где блеснул мне зайчик лунный,

от лозы зеленоват;
Я ушла без сожаленья,

но с тех пор сомненье гложет —
Был ли лунным этот зайчик?..

был ли терпким виноград?..

— м-ка

Древний пластический грек

Злобой безмолвной кипя, толпе улыбаясь для вида,
Глупую бабу домой вновь за волосы тащу:

Урну с водой уронив, ты разбила её, Зинаида —
Урны разбитой тебе я никогда не прощу!

— м-ка

Рассказ Дуремара

Который день от Буратино

бежит несчастный Бармалей.

Загнала рыжая скотина его за Альпы, за Урал,
И вот сидим мы с ним в Вилкойске,

он, весь в слезах, сипит, "налей..."

Одна надежда, чтоб Великий

Монгольский визу дал Хурал.

— Адм. Б.-П.

Антимонопольное

Боже, верю в тебя, но терпенье мое человеческое
Истощилось порядком.

Ну что мне, ложиться костями?

Выручай! Жду два дня,

а потом ухожу в Междуречье.

Там — твои конкуренты,

пристойных не меньше восьми.

— Цензор

Сказка продолжается

...А старуха уже в Мерседесе,

пальцы веером, пьет капучино.

Цепь златую на шею повесив,

"Ты в натуре, — кричит, — дурачина!

Новой русской я быть не желаю,

иммигранткой хочу в Новый Свет.

Где там рыбка твоя золотая?"

И побрел я опять в Интернет.

Изведай, паскуда, удар колуна!
И вот холодна ты как рыба.
Встает одиноко крутая луна,
Бродячая желтая глыба.

Как бы из классики

заблудившихся невежд.

— Что ж, детина, дал ты маху, —

вон и бес, твой давний враг:

Подкрадется, схватит за ***

и оглоблей по лбу — шмяк!

— M-ka

Мцыри

О, Сакартвело, древняя Иберия!

В твоих веках бродил я, как шакал,

И Мудрость из Источников лакал

Прокипятив... (А х.. ли, вдруг бактерия!)

— Адм. Б.-П.

луна/колуна/рыба/глыба/надежд/невежд/враг/шмяк/Берия/бактерия/
шакал/лакал

После пирушки

С утра поручик впадши в гегельянство,
Решил оставить карты, блуд и пьянство.
Он мрачен сам, мрачна его кобыла:
С похмелья нечего уж им не мило!

На барабан присел гусар
и повторяет деловито
сквозь несусветный перегар
седьмую букву алфавита.

— Шмубзик

Герой и сестра милосердия

Наложите, пожалуйста, на х.. бандаж:
Я пять дней не сходил с боевого коня.
— Объясните подробнее, — Охотно; когда ж?
— Ах, попозже: сейчас — суета, толкотня...

— Международный Красный Крест

х х х

Не говорите мне, прошу:

"Куда исчезли вдруг Вы?"

Я молча Ваш снесу упрёк и злой ушей надир.

Поверьте: я вас ждал вчера

в тени у старой клюквы,

Слезами в двадцати местах

испачкан мой мундир.

вдруг Вы/клюквы/надир/мундир

Легенда О Происхождении Венерической Болезни

Потеряв свое достоинство, часы и кобуру,
Мистер Н. в лесу Австралии увлекся кенгуру.
Ах, не знал несчастный мистер,
кенгуру в кусты влача,
Сколько денег он впоследствии
потратит на врача!

— ПППвППП

х х х

Застав несчастного спросонок,
Владея челюстью блестяще,
Худой колхозный поросенок
Зарезал волка в тёмной чаще.

— Снопов

х х х

У павильона, стоя в давке,
Уже хромой на левый глаз,
Как "Студебеккер" на заправке,
Мадеру хлещет водолаз.

— Перископов

РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

Ванюша, милый, это ты ли?!
Гляди-ка: возмужал, подрос!
И водку хлещешь из бутылки!
И материшься, как матрос!

— ВИА "Боян"

х х х

Жучка, Жучка, приём, я — Шарик,
да, тот самый, хромой и драный,
Нет, не сдох и не сдан в больницу,
нет, нормальный голос, не странный,
В общем, слушай, сарай за баней
оказался вполне высок.
Прыгай с крыши через ограду,
я туда натаскал песок.

— Квебек

Визит со смешанными
чувствами

Только ступишь в эти сени,
Сразу, радость не тая,
Так и скачет на колени
Подколотая змея.

— ВИА "Боян"

На передовой

В сыром окопе я, как раб, хлебаю щи, мяся
В капусту каждого врага, что не женат.
И вижу прочих выкарабкивающимися,
Чтоб к женам драпать под разрывами гранат.

— Цензор

Неудачливый ловец петуха (все куры попадают, подлые)

Уж девять невпазд. Ловлю десятого,
Потом себе устрою перекур.
Уже весь двор устлали перья кур,
Поймаю — придушу его, лохматого.

— ВИА "Буян"

Скитания духа и плоти

Вновь, как ядро, покинувши мортиру,
Мой дух летит: Париж, Версаль, Палермо...
А тело тщетно ломится в квартиру:
Жена не впустит пьяного, наверно.

— Лига Трезвенников

как раб, хлебаю щи, мяся/выкарабкивающимися/женат/гранат/
десятого/лохматого/перекур/перья кур/мортиру/квартиру/Палермо/
наверно

Неожиданность

"Скорей сюда... одерните бюстгалтер!" –
Отчаянно, тревожно лепечу:
Супруга Дарья Павловна, бухгалтер,
Обрушилась подобно кирпичу.

– Санитары

Триазин* – неустойчивое производное олигомеризации нитрилов

Ах, если б знали вы, как трудно
отмыть от триазина руки!
Куда ни загляни, повсюду – ОН,
мерзкий, липкий, как резина.
На триазиновом заводе мои зять
просиживает брюки,
Вот потому-то в нашем доме
ужасно много триазина.

– Квебек

Х Х Х

Он пытался умереть от утопия
Вышел к берегу, за брюк взялся кряк...
Но застряла, как на грех, плоскостопия
Ой да в узкой да в штанине да брюк.

– Пятаков

Судьба собирательницы чукотского фольклора

Убил её. Могучи жылы были.*
Однако, мяса оказалось мало.
Ну, жылой зашЫваю одеяло.
Теперь визжЫ, дурёха: "Жили-были..."

— Санитары

Прощальное

Ночь. Завтра наступит казни утро
И палач на площади центральной в Риме
Скажет, пробуя секиру и щурясь мудро
"Это не больно". А я подумаю: "Не ври мне"

— Михаил Ройтман

Маленький рыцарский роман

Сверкает ясная луна,
Несётся рысью красный конник
спасать Анфису Подоконник
от злого Васьки Колуна

— Не Поэт
Раффи Асланбеков

Пироги

Туристы-беляки глядят с бортов пирог.
Абориген неторопливо ест пирог.
Неспешно пирогу бока ест.
Пока что пирогу. Пока. Покамест.

— Пятаков

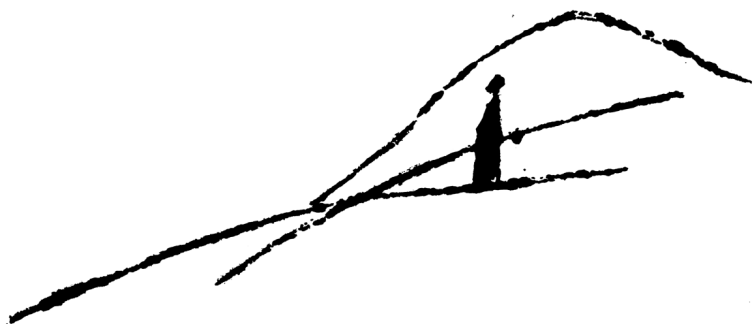
х х х

Мы доедали бламанже. На небе звёздочки сияли.
Спросил он, с нежностью уже,
могу ль играть я на рояле.
Токката с фугой ре-минор.
Пассаж октав. Корсет мой хряснул.
К нам не приходит он с тех пор.
Я Баха выбрала напрасно.

— м-ка

XIV

Портреты

Путник в ночи

Выходит он. На нем скюртук кургузый.
Хрипят часы: кончается завод,
Нешадно туфли жмут, теснят рейтузы...
Какая-то звезда его зовет.

— Санитары

про Таню Т.

Как с утра стакан аперитива,
Как бросок в классической борьбе, —
Головокружительно красива
И всегда уверена в себе.

— Описов

х х х

Кто это гордо стоит на ристалище,
В дикой пустыне среди гор вопия,
Словно судьбы одинокий верстальщик?
Ах, это я...

— Д.Д.П.

х х х

Из-под триумфальной из-под арки
Выхожу, потягивая пиво,
Принимая сонно и лениво
От фортуны щедрые подарки.

— Гриша

Don't hate me because I am
beautiful!

Когда к воде иду, не поправляя локона,
Упавшего, и выйдя из одежды кокона,
То у мужчин глаза становятся как блюдца,
А женщины шипят и вслед плюются.

— Т.Т.

нежное

Гремя костями, новостями,
Оборванный, худой вще
Явились Вы. Признаюсь — с Вами
Мне нелегко, чудовище.

— Грирке

х х х

Сижу на завалинке один, как на Перекопе турок
Не видно ни зги, идилия райская, вокруг ни души
В руке пива бутылъ, в другой шмат колбасы,
на третье — окуроч
Сплюнул, утерся, подумал:

"Торопись, а то подойдут дружки алкаши".

— Михаил Ройтман

х х х

Обсыпал сарай и кущи
Холодный серебряный иней.
Я вышел в трусах. Я — непьющий,
Поэтому хмурый и синий.

х х х

Когда над кружкою пивной — седая пена,
тогда и злобный мелкий кварк, и мирный атом
приоткрывают свои тайны постепенно
перед ученым, вечно пьяным и лохматым!

— Шмубзик

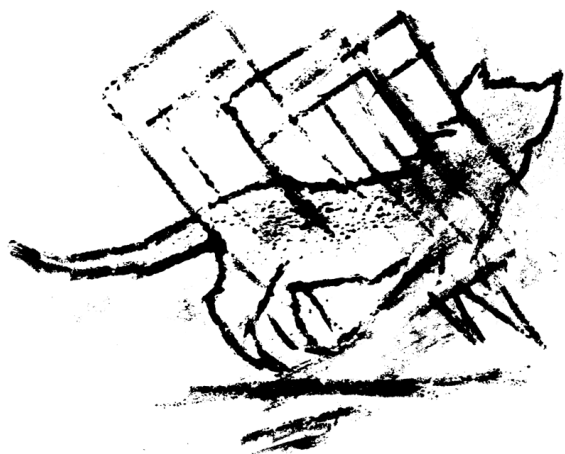
Х Х Х

Хемингуэвский старик
Надел гидрокостюм резиновый,
Заправил двигатель бензиновый
И двинул в море, как привык.

— Квебек

старик/привык/резиновый/бензиновый

х х х

Снимает свой малиновый берет,
Берет на руки бежевую кошку,
И красную тесемку понарошку
Ей вяжет, как гранатовый браслет.

— Д.Д.П.

х х х

Недавно знакомого встретил кондуктора,
Он два продавал на базаре редуктора,
Стоял на ветру в фиолетовом шарфе,
А я тоже в фиолетовом шарфе.

— Д.Д.П.

Перрон останется

Поезд тронулся, медленно лязгая,
И проехала мимо меня
Канитель расставания вязкая
И в окошке девичья ступня.

— Д.Д.П.

х х х

Вот старая, протертая на сгибе,
Афиша: выступают акробаты.
Неуловимо-гибкий, словно рыбий,
И невесомо-легкий, как пернатый.

— Чуть-чутчев

х х х

Пух летит с тополей,
В окна — звуки рояля...
Кто-то бродит — не я ли? —
Средь цветущих полей.

— Д.П.

х х х

Проснись, щебечи за окошком, синица,
Поведай, стило,
О том, как сидит на коленях девица,
И — ногу свело!

— Д.Д.П.

Субтропический этюд

В ночной тиши, сестре ночной же тьмы,
Аэроплан жужжит по небу мушкой.
Проходят вперевалочку опушкой
Опоссумы, носители сумы.

— Чуть-чутчев

х х х

Небесный свод ватином выстелен
Но вдруг откроется проем
И солнца луч на лес безлиственный
Прольется золотым дождем

— Чуть-чутчев

х х х

Лишится небо глубины и выси
И ляжет на дома.
На мягких, но тяжелых лапах рыси
Придет зима.

— Чуть-чутчев

х х х

Запах страниц меж
Или так сбита постель?
Память не держит вещь —
Чувство лишь —
Сансапарель.

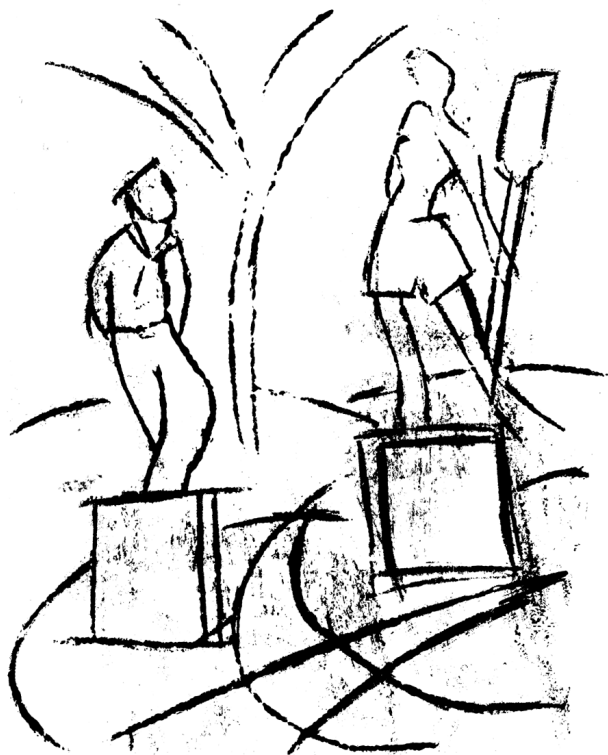
— Грирке

х х х

Волны шепчут, но берег скалист...
Волны лижут разутые ноги...
"Мерседес", как сорвавшийся лист,
Кувыркается в море с дороги.

— Кинтаро

XVI

Времена года

Описову

Весны начало. В почках зреет банный лист,
Вода в ручье под льдом лишь временно мертва –
Уже протёр глаза небесный программист,
Запустит март сейчас по схеме номер два.

— Таня Т.

Времена года. Март

Смейся беспечно, по лужам расхристанно хлюпай,
С хрустом в линейных аллеях выписывай крендели, —
Статуи в парке и те окончательно сбрендили,
Глядя на весь этот мир восхитительно-глупый.

— Посторонним в...

О в е с н е

Расцвела наконец-то весна,
Распогодилась днями хорошими.
В лужах светится солнца блесна,
И по ним я шагаю калошами.

— КУКУШКИН

х х х

За синь себя не выдавая
И не пуская пыль в глаза,
Заголубела бытовая
Простого неба бирюза

х х х

О тучи гордое мочало!
Ты молнии исторгнешь пилку,
Ты грома разобьешь копилку,
И вот уже грозы начало!

— naïve

Гроза

В небе электричество размешано,
Адский начинается балет.
Молнии в чечетке скачут бешено,
Не жалея лаковых штиблет.

— Чуть-чутчев

X X X

— Грирке

О, Коктебель! Поднимешь голову —
Царит роскошная луна,
Напоминающая голого
Лювеобильного слона.

— Револьвента Иванова

— Вианов

плеса/колеса/лекала/лакала/голову/голоγο/луна/слона/жарко/
марка/трущобы/еще бы

Обещали дождь

Солнце в каждом овале крыжовника,
Я смеюсь и скрываюсь за шторой,
Медно-тающим взглядом любовника
Меня ищет сентябрь за которой.

— М-ль Х.

Воспоминания о рецине^{*}

Дождика россыпь, буковок сыпь...
Не для беседы беседка в саду.
Буду сидеть здесь, пока не уйду,
Ветром листая Карамзина.
Налей с небес мне стакан вина,
Запаха сосен насыпь...

— Танжер

Х Х Х

Лета последний день выгнулся колесом.
Дерево за окном горит, как на ране йод.
Лезь под большой валун, сонный ты коли сом.
Глазом на утро глянь — осень из луж встаёт.

— М-ль Х.

задрав голову

Гнет деревья злой ветер осенний,
Листья слезные падают, сыры.
От сезонных деревьев потрясений
В небеса открываются дыры.

— Грирке

х х х

Унылая пора. Дожди, дожди.
До снегопада, после листопада.
И солнце скрылось, как Салман Рушди —
Ну и не надо.

— Иван-да-Кунья

колыбельная

Остывают стога, где была нестрога
Та, что знала, как носят рога
Те, кто сказки плетут,
Листья пишут и жгут...
Снег повсюду теперь — там и тут.

— Грирке

осенний/потрясений/сыры/дыры/дожди/Рушди/не надо/листопада/
строга/рога/тут/плетут

х х х

Деревьев голых сдвоенные вилки,
Заката черно-рыжие ремни,
Стою я одиноко у развилки,
Верни меня себе и заверни.

— Пти

Подражание Опову

Закат горит вполнеба, полосат,
И предвещает наступленье ночи.
Я ухожу, а ты зовешь назад.
А мне не очень хочется. Не очень.

— Иван-да-Кунья

х х х

На каланче, пожарник, не трезвонь
Декабрьскою угрюмою порою.
Тебе закатный не залить огонь
И не рассеять искр багровых роя.

— Иван-да-Кунья

XVII I

Душераздирающие стихи

Последний из Динозавр

Курлоцефал — он динозавр маленький.
И шерсти нет — природа виновата.
Мурлом с мороза он уткнулся в валенки,
Живот прикрыл когтями пустоватый...

— Алексей Храбров

Жалобы Гомункулюса

Я вырос в одини из реторт.
И вешу не более пуда я.
Я все забываю и путаю.
Купи мне собаку и торт.

— ПППБППП

Опову, жалостливое

Посмотри-ка, друг Опов, как цапля
В жабу клюв свой поганый вонзила.
Жаба плачет. И падает капля
Со щеки цвета ржавого ЗИЛа.

— Пятаков

В вивисекторской

Нашли червя; как пальцы Джугашвили
Был жирный. Рассекли на половинки,
Перевернули боком и пришили.
А в клетках мучались морские свинки.

— Черные Санитары

х х х

В раю, средь кущ, посадок и беседок
Кричал надрывно жареный петух.
Презренный, чей-то трапезы объедок,
Он был унижен жизнью напоследок
И, у дверей чистилища, протух.

— Квебек

Наказание

Октябрь уж... пролетает паутина,
Начальства и ветров послушна воле...
Мы, Санитары, каплей никотина
Убили лошадь и за то сидим в гондоле.

— Санитары

х х х

Я к ней пришел — и все сначала:
Она смеялась над калошами
Она над ними хохотала!
Моими! новыми! хорошими!...

— Т.И.

Элегия

Ушла на юг давно последняя дрезина,
И журавлиный крик настойчивей и чаще.
Сегодня в первый раз мне отказала Зина.
Ну раз уж Зина... я совсем пропащий!

х х х

Рассвет подобен олову,
проходит ночь, мой милый!
Не смог запудрить голову, —
хотя бы изнасилуй.

— Шмубзик

Тане Т.

Как черешня покидает компот,
Я от Вас бесповоротно ушел.
Я избавился от массы хлопот
И почувствовал себя хорошо.

— Описов

х х х

Как селёдка покидает рассол
и сбивается по осени в стаи,
Как в Исландию летит в сентябре,
совершая перелёт непрстой,
Так и я от вас печально уйду,
и инструкцию по взлёту листая,
Я пропеллер заведу во дворе
и оставлю эту Землю пустой.

— Пятакопов

х х х

Свирепствовали ветры, завывая,
А где-то в глубине, среди грузил,
Моя таранька плавала живая,
А червячок ей про любовь грузил.

— Д.Д.П.

х х х

Коченею.

Несу ахинею.

Индевею сиреневым кружевом.

Вот умру, и от этого станет

значительно хуже вам.

— Васёк Покусай

х х х

Приют последний средь столетней чащи,

Аллеи тёмные из стопроцентной липы.

Ты навещал бы, что ль, меня почаще,

Мне смерть не в смерть,

когда твои не слышу всхлипы.

— Пятаков

делириум тременс

Хой Медуза, гой еси..

шерстью мокрая, блохастая,
меня за дверь не выноси —

там гарсоны бродят, шастая.
Накидали черных роз, горизонты позакаркали...
Кто стучится в бедный мозг?

с барабаном... Уж не Кафка ли?

— Кинтаро

Смастерили пионеры
Голу бабу из фанеры –
Тут нога, а там плечо...
Дышат дети горячо.

Сняв всё, оставив только кольца,
Она, сияя как пятак,
Меня, еще некомсомольца,
Учила этому за так.

(народу (не) нужны (не) здоровые танцы/шманцы...)

Бесстыжих танцев нам не надо,
 как эта самая ламбада.
От этой чертовой ламбоды зарю голову в песок.
Не отвести, однако, взгляда —
 он ало тлеет как лампада,
Он обещающ как награда...
 Нам надо!!! Дай мне твой сосок!

фанеры/пионеры/плечо/горячо/кольца/комсомольца/пятак/за так/
ламбада/лампада/песок/сосок

х х х

Ничего, что я ростом мал —
Я похож на пророка Исаяю
Я в любви — как голодный шакал
Ну, иди — я тебя покусая.

— о.з.т.

Тоска

Я днём загораю на даче,
А ночи совсем опустели.
Ну где ж ты, желанный, горячий
В учёбе, труде и постели?

— Алла

К высокому гражданину по фамилии Комаров.

Моральные преграды поборов,
От страсти трепеща, как житель горный —
О, подари мне счастье, Комаров,
Здесь возвышаясь так водонапорно!

— Санитары

х х х

Как бабочка, вспорхнут ко мне на нос очки,
И под твоим распахнутым халатом
Я изучу загарные полосочки,
Неотразимые, как ультиматум.

— Иван-да-Кунья

х х х

Вот экскаватор обнажает золотоносные пласты
Электрик провода паяет,
сдирая с них оплетку грубо
Ноябрь уверенно срывает
с деревьев последние листья
И я бы с вами поиграл в аналогичную игру бы

— Иван-да-Кунья

х х х

Как свежим ветром пред грозой
Взъерошенные облака,
Моя душа твоей босой
Ногой взволнована слегка.

— Иван-да-Кунья

Тимуру Маевичу
Пятакову

Посмотри, как изящно опушка
В жёлтый лист по сезону одета!
Почитай мне щекотно на ушко
Эрогенные строчки сонета!

— Револьвента Иванова

Совет
Привыкшим Супругам
Жена! Давая реже мужу,
Изображай следы борьбы!
О муж! Не забывай наружу —
Цени различные горбы!

— Адм. Б.-П.

Мудрый советник государя
не волен над своим сердцем
Сударыня, Ваш рот, как синус ПИ,
Округл; когда целуете ежа Вы,
Я, может быть... нет, все мечты. Не спи,
Мой разум: ты один у всей державы!

— Санитары

Пламенному Сапрыкину
в пламенеющих одеждах

Когда, Сапрыкин, ты несёшь леща
В подарок санитарке, пламенея,
Одежды ниспадают, и, треща,
Обузны узы рвутся Гименея.

— Пятаков

Сапрыкину, алкающему перемен
Весь в шрамах от тугих трусов резинок,
Не трусь!
Пришлют нам практиканток новых Зинок,
А эти — пусть!

— Пятаков

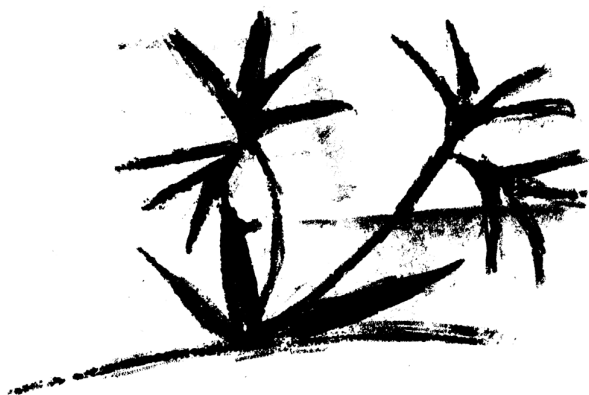
х х х

Ходили за грибами с Пятаковым мы,
Он хохотал: "Не трогай, безобразница!",
Мы были так взаимоотношены,
Что между нами быстро стёрлась разница.

— Револьвента Иванова

леща/треща/пламенея/Гименея/Зинок/резинок/трусь/пусть/
Пятаковым мы/очарованы/разница/безобразница

XIX

Лирическое

Африка

Мы по Африке брели, мы с тобою уморились
От чудес заморских стран.

Сникла ты, я тоже сник...
Белые цветы цвели — Белладонна Амариллис
И пьянил саванн дурман,
и гиен тревожил крик...

— Т.И.

х х х

Без глаз твоих, зеленых, как листва,
И теплых, словно две электрогрелки,
Я тих, как пьяница без опохмелки,
Я пуст, как Хлестаков без хвастовства.

— Чуть-чутчев

х х х

Возьму я лист бумаги рисовальный,
Тебе поэзу посвящу. Со дня разлуки
Так много дней прошло уже, что рис овальный
И рис квадратный стреуголились от скуки.

— Пятаков

Подполковно-лирическое

Мой погон твоя гладит рука,
До чего ж эта ночь хороша!
Отпущу на огонь мотылька,
Заждались там его кореша.

Чуть-чутчеву плохо без Катрины

Я без тебя, тоскуя и грустя,
Съел яблоко, четыре мандарина,
Всю колбасу, последних два груздя...
Вернись! Еще свиная есть грудина.

— Чуть-чутчев

В четыре руки...

Мы играли на рояле!
Мы смеялись и сияли!
Что в уме, про то и пишем:
Правда, Губы Цвета Вишен?

— Шмубзик

Бешенство стихий

Вы плавали так, что казались ондатрой,
Причем сортовой, пушной, нестандартной,
А я вас ловил, погружаясь в разливы.
Но вы меня съели, поскольку росли вы...

— Гело

х х х

"Играет Бетховена Бах".

Играет Шаинского Штраусс.
Мы кружимся, день или ночь,
по спектру — от цвета до цвета.
Простите, мне трудно дышать —
слова Ваши притки, как страус,
И, ах! мою грудь так теснят,
сильней, чем завязки корсета.

— Грирке

х х х

Полюбила балерина молодого коммерсанта,
Он ответил ей бюджета лаконичною строкой.
Стали жить. Она стояла у кастрюли на пуантах,
Он подсчитывал закаты над финансовой рекой.

— Ма Све

Х Х Х

Напиши мне письмо винтовой ризбой,
Напиши заикаясь, картаво,
Напиши левой пяткой, селезёнкой, губой,
Напиши, будь же умницей, право!

Х Х Х

О этих ног шаги, исполненные грации,
Так головокружительно легки!
Сердца мужчин из нашей промкооперации
Нанизаны на Ваши каблуки.

— ВИА "Боян"

Х Х Х

Там, где Земли цветастая изнанка,
Свой путь дневной рассеянно верша,
Проходит не моя копакабанка,
Не обо мне одеждами шурша.

— Иван-да-Кунья

Бытовая

От стиральной от машины черный слив,
В ней рубашки наши скреплены союзом.
Ты сидишь и пожираешь чернослив —
То ль женою, толь невестой:
в общем — грузом.

— Грег Ландсберг

X X X

Ты помнишь, я к тебе подсел в такси,
Водителю небрежно бросил "Трогай!"
И ты была нежна ко мне дорогой,
Нежна и солона, как иваси.

— Иван-да-Кунья

X X X

Дождь проливной тебя замочит
в проливных водах Гибралтара
Ты вновь ведешь корабль летучий,
других как будто нет занятий
А я брожу сегодня ночью,
расстроенная как гитара
И собираю в одну кучу
нас знавшие с тобой кровати

- 0.3.T.

Х Х Х

Монголия, я твой внебрачный сын,
впитаи меня, как Петербург Кваренги,
Кумысом дай запить своим косым
твоих холмов осевшие меренги,
Не надо колотить в литавров жесть,
не надо дуть в фанфары из фанеры,
Монголия, прими меня, как есть,
прими, как Чебурашку в пионеры.

— Пятаков

Х Х Х

Вдруг лопнула в душе моей какая-то пружина
Какая-то вдруг важная погасла в ней лампада
Земля рванулась из-под ног, дрожала и кружила
И притянула, как магнит, чугунная ограда

— Иван-да-Кунья

Кадавру

И тут под ребра что-то как взяло...
И, заикнувшись, сдох прогноз кукушкин,
И, обосравшись, замолчали пушки,
И девушка нам отдала весло.

— Кинтаро

х х х

Догорел в симфонии скрипач,
Как свеча в потоке кислорода.
А у нас с тобой не та порода.
Нам бояться нечего. Не плачь...

— Кинтаро

х х х

Мощи мостов, мостовых — останки.
Ну-ка, не спи! Примостилась — пропала.
К берегу спирта спасенье пристало —
Капелька валерьянки.

— Грирке

х х х

Солнце-солнце, оставляй дожди-кручины,
Возвращайся да потеплиться ложись
В нас, кто по-подсолнушью всю жизнь
Небу влажных рож тянул ветчины.

— Грирке

скрипач/плачь/кислорода/порода/танки/валерьянки/пало/пристало/
чины/ветчины/жизнь/ложись

х х х

Облака вензелями своими
В небе синем, вечернем уже,
Составляют любимое имя
В изумительном падеже

Чуть-чутчев представляет
себе встречу с Катриной

Не зажигая огня,
Неразговорчивей рыб,
Скрип приводного ремня
Времени слушали мы б.

— Чуть-чутчев

х х х

Близки, как ожидание с предлогом,
Стремительны, как ветер и простуда,
Уносимся в косом дожде пологом,
Звонящие, как в ящике посуда.

— М-ль х.

Х Х Х

Никуда не гляди, плюнь на все и приди,
Без тебя я завял и пожух.
Я к ногам припаду, я приникну к груди,
Как к забору усталый лопух.

— Иван-да-Кунья

Х Х Х

Вот, чертежами колеса марающий листы,
Я ухожу в свои леса; в свой мегаполис ты
Идешь, не веря в чудеса и торопя финал,
А я бы сделал чудо сам, да вот чертеж пропал.

— Иван-да-Кунья

Х Х Х

Не заметив границ, задержанию не подлежа,
Ты ушла, не оставив ни памяти мне, ни следа,
Кроме раны, которую недоуменно лижа,
Я еще не успел осознать,
что случилась беда...

— Иван-да-Кунья

ВСЕ О ТОМ ЖЕ

Я, завидя тебя, от тебя побегу.
Неспеша — как жуют антрекот в "У Максима".
На бегу заволнуюсь: а вдруг ты устал?
Вдруг подумаешь, плюнешь, уйдешь, не догонишь?
Сердце екнет. А где-то меж ног Хиросима,
Угасая, остынет в замерзший Воронеж.

— аглая

ужин вдвоем

Томительная чередá приветствий...
Вы. Я. Салат. И этикета крепи.
Боюсь от ревности к шпинату или к репе
Вдруг неожиданно, нелепо разреветься.

— Грирке

х х х

Свободна ты! Последний взгляд в пол-оборота.
Аккорды, слёзы... что осталось — разотрём.
Придти б в себя от этих дней коловорота.
В башке туман... И пахнет снег нашатырём...

— Пти

х х х

Я от тени твоей улетаю
На шальной торжествующей ноте,
Как душа отлетает от плоти,
Как летит за бугор капитал.

— Кинтаро

Тане Т.

Если кану безвозвратно в запой,
Если снимут серо-синим с крюка,
Ты глаза свои запястьем закрой
И поплачь секунд пятнадцать в рукав.

— Описов

"Пластилиновая ворона"

Своей судьбы не зная властелина,
Стою вороною из пластилина,
И разведя тяжелых крыльев лопасти,
К тебе шагаю, словно к краю пропасти.

— Чуть-чутчев

х х х

По лесу сереньким волчком
Бредем тишком, бочком, молчком
И под замшелым корневищем
Находим то, чего не ищем.

— Чуть-чутчев

х х х

В жестокие игры играю с собой хладнокровно,
От острых камней обнажились души моей окна.
А те, что остались — слепые,
от слез моих мокнут.
— Ну глупость все это!
Дышите же, ангел мой, ровно.

— М-ль Х.

Вариации

Мне бы в листьях заплутать тополей,
мне бы с пухом пролететь сквозь затор,
Мне б отдать ему твои сто рублей,
мне бы вырезать свой ржавый мотор.
Мне бы вывязать из веток тебя,
мне бы красной стать как папа Зюганов,
Мне бы жить как протокол, не любя,
и свистеть как мальчуган Хулиганов.

— М-ль Х.

х х х

Хочу, чтоб путь мой не был краток
И я не сгинул без следа
В краю кроваток и мулаток,
Куда не ходят поезда.

— Иван-да-Куня

Тане Т.

Бывает, хрястнет небесами,
И сквозь привычный сизый дым
Пахнёт карельскими лесами,
Где я остался молодым.

— Описов

приближаясь к 40

Из тех, с кем я играл когда-то в классики
И дрался за машинки и совки,
Одни выходят понемногу в классики
Другие же уходят в рыбаки.

— Иван-да-Куня

К ***

О волны лет, о дней морская пена!
О смена декораций и картин!
Друг к другу мы прилипли постепенно,
Копченых наподобие сардин.

— Чуть-чутчев

Х Х Х

Когда как следует поплачу,
Во сне, прозрачном как пыльца,
Я вижу болшевскую дачу
И пса, летящего с крыльца.*

— Револьвента Иванова

Х Х Х

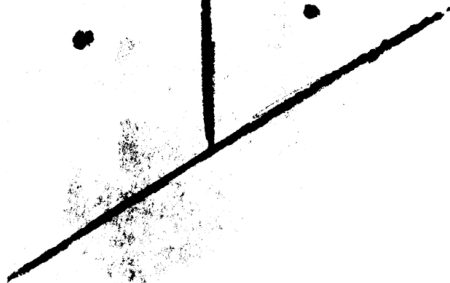
В маскарад я оденусь женой,
Чтоб забыл ты дорогу домой,
Чтоб глядел и глядел из бурана
С удивлением и прямотой
Потерявшего стадо барана.

— Грирке

х х х

Мы разошлись, как в море корабли,
и ты баржой куда-то уплыла.
Покуда есть на выпивку рубли,
я обойдусь без женского тепла.
Стоит бутылка водки на столе,
она одна согреет работагу,
Другой пусть вензель чертит на стекле
и пачкает чернилами бумагу.

08

Опасения по поводу
отсутствия ПППВППП

Куда запропастился, — не пойму.
А вдруг сейчас стенает он, влекомый,
Как словно бы Герасимом Муму,
Каким-нибудь сомнительным знакомым?

— ВИА "Боян"

Маю Ивановичу Мухину

Безостановочно кочуя
По сайтам с русскими словами,
Бутылкой вермута хочу я
Покорно следовать за Вами.

— Револьвента Иванова

Адмиралу Б.-П.

Пусть двойкой бьют твоего короля,
Пусть пешкою ставят шах,
Зажми крепче трубку в зубах
И полный вперед на всех парах,
Куда тебе надо, руля.

— ВИА "Боян"

П/пк, стреляться-то будем?*

Под-под-полковник! Подначальник службы тыла!
Твой секундант упился, видно, где-то.
У Чёрной речки я стою, а вечер стылый.
Бронепальто на тело голое надето.

— Пятаков

Сапрыкину на марше

Ты помнишь, товарищ, с тобою за стулом
От прятались мы острых жал?
Аукала Катя нас гулким аулом,
Главврач инструмент остужал.

— Пятаков

Пятакову

Гулять отправили врачи, бегут весенние ручьи,
И воробьи кричат: "Вы чьи?"

(А мы с тобой давно ничьи).

Отдай, приятель, им калач —

и вскачь!

— Сапрыкин

К М.Д.

Завижу вас — и сердце тук-тук-тук,
И падаю в ковыль... а может, в вереск.
И совестно слегка своих потуг
Летать, неловко, как археоптерикс.

— Иван-да-Кунья

Маше Д.

Всякий раз, когда в глаза тебе гляну,
Мышца сердца замирает, пуглива,
Как рыбак, достигший края залива,
Опасающийся плыть к океану.

— Квебек

Кукушкину

Как в груди моей чувства кипели,
как в зобу словеса клокотали!
Вы на левую ногу надели
из оленя ли унт, из кота ли,
Погляделись в нечищенный чайник
и ушли, растворившись средь морд...
И ни слова, ни строчки, молчальник,
Вы, учёный неграмотный чёрт!

— Анна Лохматова

Сапрыкину

С дорог отбрасывал снег талый —
Стоишь с косою у откоса.
Рукою машешь мне усталой,
Ждешь не ответа, но вопроса.

— Грирке

Сапрыкину и Пятакову просьба

Уж с месяц мне не снятся поезда,
а снится аммиачная селитра
Я несомненно выпал из гнезда,
не манят ни поллитра ни палитра.
Пришлите мне, безумцы, кастаньеты,
я протрещу на белый свет пока
Главврач готовит белые билеты
и возбуждённо дрыгает нога!

— Автоматическое

продолжаю ворожить иМениннику

Солнце утром поймаю в реке,
Распахну этот день, как тайник,
Чтобы вечером лунный двойник
Принести тебе в чашке sake!*

— Грирке

Цзинь Бухао и его мышка

Ко мне ненастной порой, подруга, заходи,
Ты видишь - в хижине сырой скучаю я один.
Мы выпьем и еще нальем (три капли для мышей)
И танку* русскую споем о шуме камышей.

— Латакот

Рыцарю (старческое)

Давно уж не лирические, и вовсе не герои —
Столкнемся где-то в баре мы,
закажем по одной.
И дела нам, мой рыцарь, нет,
что в кружках за помои.
Давай, не то чтобы тряхнем,
а вздрогнем стариной!

— Грирке

Примечания

- Стр. 7. "...Зачинают по рифме..." — Чтобы получить задание, игрок должен ввести свою пару рифм. Так пополняется банк рифм.
- Стр. 11. "...Храня, а, быть может, страхуя." — Программа разрешает добавлять буквы впереди рифмы, включая ее в более длинное слово.
- Стр. 20. "Вот Аполлон во всей красе..." — См. разбор этого стихотворения в послесловии на стр. 130.
- Стр. 20. Пятаков и Сапрыкин воскликнули — Пятаков и Сапрыкин – виртуальные безумцы, обитающие в Дурдоме.
- Стр. 23. "С моря соленый, из города пряный..." — См. разбор этого стихотворения на стр. 131.
- Стр. 57. "Муха" — См. разбор этого стихотворения на стр. 128.
- Стр. 63. "Триазин" — Первые два года русских букв программа не понимала, и всё писалось латиницей. Рифма была "triasina", что означало "трясина".
- Стр. 64. "...жылы были." — В этом буриме блестяще использована неграмотная рифма.
- Стр. 84. Воспоминание о рецине — Рецина – греческое вино со смолистым запахом.
- Стр. 93. "...Приют последний средь столетней чаши..." — Написано после виртуальной гибели Пятакова на стихотворной дуэли.
- Стр. 118. "Когда как следует поплачу..." — См. разбор этого стихотворения на стр. 133.
- Стр. 123. П/пк, стреляться-то будем? — Написано по поводу предстоящей дуэли между Подполковником Птичкиным и Пятаковым.
- Стр. 125. "...в чашке sake!" — Грирке в то время жила в Японии.
- Стр. 126. "...И танку русскую споем..." — Цзинь Бухао (Кинтаро) тоже жил в Японии.

Муха, таким образом, оказывается сразу и Мухой-цокотухой, и Попрыгуньей-стрекозой. Это довольно схожие персонажи, хотя их роль в их "родных" текстах различна: пленная героиня и беспечная прожигательница жизни. Впрочем, и Цокотуха довольно легкомысленна: денежку нашла, и сразу кутить на все, гостей созывать. А Стрекоза, наверное, тоже задавала пиры, пока лето было. С другой стороны, скучный трудяга Муравей и отважный герой-спаситель Комар – совершенно разные амплуа. Посмотрим теперь, как на этом фоне развивается действие.

"Вся запорошена метелью": значит, во-первых, уже зима, а во-вторых, Муха пешком шла, т.е. находится в стесненных обстоятельствах. Видится легкая пушистая шубка, и тревожные глаза над поднятым воротником – "запорошена", то есть мороз, снег сухой, легко осыпается с густого меха.

Стучится она в дверь, видит Муравья, и говорит ему заготовленную игривую двусмысленность, но понимает уже ("смушаясь"), что напрасно, что не к тому она пришла. Не Комар это, герой-спаситель, а Муравей, зануда и праведник. Почему – бог весть. То ли тот Комар постарел и остепенился, то ли не к кому больше Мухе идти оказалось, но конец-то один. Не нужна она здесь со всеми ее милыми глупостями.

Вот так за счет наслоения просвечивающих друг сквозь друга смысловых слоев в четырех строчках нарисована объемная, сложная и законченная картина. Конечно, это не единственный способ насытить содержанием малую форму, но их подробное описание послужило бы предметом серьезного исследования, которого еще нет.

Тимур Кибиров однажды сказал (в Интер(офф)вью РЖ), что длинные стихи пишутся на одном дыхании, а короткие требуют "обсасывания каждого слова". Парадокс здесь только кажущийся. В любом хорошем стихотворении нет ничего случайного, но в коротком это становится особенно заметно. Слов мало, и каждое поэтому важно. Как в часовом механизме каждая шестеренка стоит на своем месте, и если вынуть даже самую маленькую, часы встанут. Этого, как правило, не видно на поверхностный взгляд, да и не обязательно это видеть, чтобы получить удоволь-

ствие от стиха. Не надо разбирать часы, чтобы убедиться, что они ходят. Но стоит однажды разобрать их, чтобы понять, почему они ходят.

Подборка из проанализированных ниже буриме никак не претендует на представительность и в значительной мере случайна. Просто в разное время по разным поводам мне случалось задуматься о том, как устроены именно эти стихи. (Надо сказать, что эти разборы написаны под сильным влиянием книг Лотмана "Анализ поэтического текста" и Гаспарова "Русские стихи 1890-х — 1925-х годов в комментариях".)

* * *

№. 996

Вот Аполлон во всей красе,
А вот Абрам, горбатый ящер.
Но первый — мраморный, в росе,
А этот — в шляпе, говорящий!

— Alexy V. Khrabrov

О чем оно? Это стихотворение со- и противостоит мертвое совершенство живому несовершенству и выражает авторскую симпатию второму.

Как оно устроено? Четыре строчки прочно скреплены двумя пересекающимися композиционными связками. Одна очевидна: Аполлон в 1й и 3й, Абрам во 2й и 4й. Вторая интереснее: первые две строки выстраивают экспозицию, дают зрелище крайнего и всестороннего контраста (бог — человек, статуя — человек, эллин — иудей, древний — современный, прекрасный — уродливый, мертвый — живой, знаменитый — неизвестный, белый (мрамор) — черный (лапсердак), даже голый — одетый). Читатель теряет, слишком много всего. И тут вторые две строки разрешают возникшее напряжение, выбирая тот аспект, который важнее всего для автора — см. начало.

Интересно, что есть еще очень тонкая связка 1-4 и 2-3, фонетическая. В средних строчках по три "р" в каждой, а во внешних только по одному (и то в рифмах).

К тому же "Абрам" парадоксально и перекрестно созвучен с "мрамором", а "Аполлон" – с "шляпой". По первому чтению даже не сразу понимаешь, что грохочущая третья строка относится к Аполлону, а не к Абраму. Смысл такого звукового парадокса понятен: вторая половина четверостишия переворачивает все вверх ногами, утверждая уродство Аполлона и красоту Абрама. Отсюда же и противительный союз "но" в начале третьей строчки.

Почему Абрам? Контраст невозможен, если нет вначале сходства. Нельзя противопоставить стул помидору (если не найти между ними чего-нибудь общего). Называние этих двоих по имени сразу ставит их в один ряд, после чего уже можно противопоставлять. Начальное созвучие "ап – аб" (да и вообще, созвучие "аплн – абрм") поддерживает параллель уже на фонетическом уровне, а тот факт, что имя еврейское, добавляет по крайней мере одно лишнее противопоставление. Да и вообще, помогает создать зрительный образ.

Почему "в росе"? Я на этом много раз спотыкался: вроде, точно, а непонятно, почему. А потом вдруг понял: на живом росы не может быть, оно теплое! Он в росе, потому что мертвый, холодный.

★ ★ ★

Но. 30415

С моря соленый, из города пряный
Ветер над волнами носится пьяный.
Синее счастье, зеленое горе,
Линия смерти в далеком просторе.

– Кинтара

В этом стихе все слова весомы. Вернее, равновесны: когда читаешь его вслух, на каждом хочется сделать ударение. В первых трех строчках почти сплошь параллельные противопоставления: море – город, соленый – пряный, ветер – волны (почему это противопоставление? Вспомним хотя бы "волны гасят ветер"), счастье – горе. Синее и зеленое, казалось бы, не противоположны, но в

уже нарисованном символическом пейзаже легко занимают места неба и земли-воды соответственно. Таким образом, выделяются две оси: горизонтальная (город – море) и вертикальная (верх – низ), а в центре меж четырех полюсов носится ветер.

Такое симметричное и даже почти методическое построение поддержано на редкость строго выдержанным ритмом – ни единого пропущенного удара. Эта ровная метрическая кайма пронизана внутренними рифмами и созвучиями безотнositельно к смысловым противопоставлениям: моря – города – горе – просторе; ветер – смерти; волнами – солёный – зеленое – далеко; синее – линия. Так создается сплошная звуковая ткань, придающая композиции цельность. На этом фоне особенно рельефно выступают и приобретают повышенную смысловую нагрузку нарушения симметрии и регулярности.

Так, в конце второй строчки ряд именных противопоставлений перебит глаголом, единственным во всем стихотворении, отчего он особенно важен. Он отдан ветру, олицетворению лирического "я", единственному и центральному действующему лицу. (Интересно, что этот самый глагол употреблен в одном из русских переводов Книги Бытия: "Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою".)

Еще одну сбивку симметричности находим в фонетике. В стихе доминирует протяжная "о", 9 из 16 ударных гласных. Их дополняют две "е". На этом фоне резко выделяются три ударные "а" и две "и". Серия на "а" – "пряный" и "пьяный" прямо ведут к "счастью", непосредственно перед ним сигнальным звоночком стоит "и", в сочетании "си" особенно выделяющаяся фонетически, и подготовленная исподволь безударным "си" в предыдущей строке, так что получается "пряный, пьяный, носится – синее счастье!". А "зеленое горе", наоборот, растворено в звуковом фоне на "о". "Счастье" оказывается выделенным и связанным с ветром, "горе" – с пейзажем.

Противопоставления начинают смазываться в третьей строке: синий и зеленый ассоциируются с противоположностями, верхом и низом, но как цвета они близки. А в четвертой их уже нет совсем, зато появляется линия го-

ризонта и сводит верх и низ вместе, примиряя и растворяя друг в друге. Строгое построение первых трех строк было нужно, оказывается, для того, чтобы рельефнее выделить его отрицание. Линия смерти? Жизнь – в противоположностях; когда плюс и минус замыкаются друг на друга, заряд утекает, наступает смерть, в которой нет ни счастья, ни горя.

Но она еще далеко.

★ ★ ★

№. 5098

Когда как следует поплачу,
Во сне, прозрачном, как пыльца,
Я вижу болшевскую дачу
И пса, летящего с крыльца.

– Револьвента Иванова

Это очень простое на вид стихотворение сопротивляется разъятию. Кажется, в нем ничего не скрыто, все на виду, просто и "прозрачно, как пыльца". Но тем интереснее попробовать все-таки понять, откуда берется его удивительное очарование, одной "простотой" никак не объяснимое.

Да взять хотя бы это самое сравнение: разве пыльца прозрачная? Наоборот, сквозь пыльцу вид затуманивается. Окошко, покрытое пылью, прозрачно по сравнению со стенкой, а не абсолютно. Но именно такая прозрачность может быть свойственна сну. "Сон, прозрачный, как пыльца" – многослойный образ. Это неглубокий дневной сон, сквозь который просвечивает дневной свет. Это сновидение, видимое ясно, но все же как бы сквозь запыленное стекло. Это искры под зажмуренными веками. С другой стороны, пыльца (не метафорическая, а буквальная) символизирует конец весны – начало лета, пору переезда на дачу. Наверное, и это не все, но и так видно, как одной стихотворной строчке удастся вместить в себя больше содержания, чем в целом абзаце утилитарной прозы.

Настрой задается уже первой строчкой: "как следует заплачу" относит плач к разряду простых и естественных занятий. "Как следует" можно поспать, поесть, погулять. Поплакать и заснуть – так бывает у детей. Звучанием первых двух строк плач почти приравнивается к сну: "...как следует заплачу, // во сне, прозрачном...".

Сочетания "ач/аш" и "ца/пса", заданные, заметим, удачно выпавшими рифмами, становятся звуковым лейтмотивом всего стихотворения, его музыкальной тоникой, к которой стремятся первые три строчки, и в которую наконец разрешается четвертая. Может быть, это и злоупотребление аналогией, но мне хочется сравнить сочетание "сне/сле" с субдоминантовой гармонией, а звучание начала третьей строки ("виж/болш") – с доминантовой.

Действительно, 9-я и 10-я стопы (делящие, кстати, стих в золотом сечении, т.е. в месте особенно подходящем для композиционного центра), резко, хотя и не до диссонанса, нарушают звучание: ударные "и" и "о" на фоне господствующего "а", звонкие "б" и "ж", выделяющиеся среди глухих взрывных и шипящих. Значит, это должно быть ключевое место. Не будь оно ключевым при таком звучании, стих оказался бы пуст, выковался бы пшик. Но там стоит самое необязательное, что только можно придумать -- имя собственное. Для кого-то, конечно, название этого подмосковного дачного поселка окажется насыщено значением, но таких читателей немного, а что для остальных? А для остальных – почти универсальное слово, звуковая оболочка, которая в отсутствие жестко связанного значения позволяет зато большую свободу ассоциаций по звучанию. "Я вижу больше". "Я вижу волшебство". Вот оно что, оказывается.

И медленно, бесконечно летящего с крыльца пса, застывшего в волшебном свободном полете, как бывает во сне или на фотографии, или еще в кино. Стоп-кадр. Мгновенье остановлено.

Д. Манин

Содержание

От составителя.....	3
Интернет и Муза.....	7
Философское.....	15
Сакраментальное.....	23
Эпическое.....	29
Песни и частушки.....	35
Стихи о Родине.....	37
История и политика.....	41
Производственное.....	45
В мире культурных стереотипов.....	47
Правда характеров.....	55
Басни.....	57
Правдивые истории.....	59
Детское.....	67
Портреты.....	69
Наброски.....	75
Времена года.....	81
Душераздирающие стихи.....	89
Про это.....	95
Лирическое.....	103
Семейный альбом.....	121
Примечания.....	127
Медленное чтение коротких стихов. Д. Манин.	128

Литературно-художественное издание "Четыре строки" – это сборник поэтических миниатюр разных авторов из коллекции старейшего русского литературного сайта "Буриме", отобранных и иллюстрированных художником Марией Казанской.

По объему эти стихи можно сравнить с рубаи, хокку или лимериками. Их отличает уникальный сплав лиризма, с одной стороны, и юмора, сарказма или иронии – с другой. Они говорят весело о важном и глубоко о смешном. Сборник рассчитан на широкую читательскую аудиторию.

ЧЕТ

ЫРЬ

СТР

ОКИ